

Г. Н. МОИСЕЕВА

«Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова

«Сказание вкратце от начала царства Казанского и о бранех и о победах великих князей московских со цари казаньскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть»¹ справедливо названо самим автором «красной и новой повестью». В этом публицистическом произведении, пронизанном передовыми общественными идеями 50—60-х годов XVI в., удивительно талантливо сочегаются разные типы древнерусского повествовательного стиля. Автор умело чередует военные сцены, описанные в полном соответствии с поэтикой стиля воинских повестей, историческое сюжетное повествование, связанное и с жанром летописи, и с жанром хронографа, риторические отступления, генетически восходящие к византийской церковно-пагенирической литературе.²

Но особенно ярко талант автора «Казанской истории» сказался в умении раскрыть свойства действующих лиц произведения в их поступках. Он вникает в настроения участников событий, в мотивы их поведения, он стремится к разностороннему изображению человеческого характера. Именно эти черты «Казанской истории» вывели это произведение за пределы его первоначального идеологического задания — прославить заслуги Ивана IV, победителя Казанского царства.

В глазах читателей «красная и сладкая» повесть привлекала внимание как своим историческим содержанием (здесь рассказывалось о трехсотлетней истории Казанского ханства, о борьбе русского народа против поработителей и о конечной его победе), так и своими художественными свойствами. Неслучайно поэтому это произведение сохранилось в громадном количестве списков (более 250), переписанных и в начале XVII в., и в XVIII в., и даже в начале XIX в.

Как исторический источник «Казанская история» впервые была использована А. И. Лызловым, составившим в 1687 г. «Скифскую историю». В 30—40-е годы XVIII в., подготавливая материалы к «Российской истории», В. Н. Татищев обращается к повести «о достовании и взятии града Казани».³ Но наиболее полно «Казанская история» оказалась претворенной в творчестве М. В. Ломоносова.

¹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

² О литературном этикете и взаимосвязи художественных стилей с жанром в древнерусской литературе см.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84—108.

³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 85.

Представляется вполне вероятным, что Ломоносов мог ознакомиться с этим произведением еще у себя на родине. В библиотеке Соловецкого монастыря, где, как теперь удалось установить, Ломоносов читал книги и рукописи,⁴ хранились списки «Казанской истории», один из которых, переписанный в середине XVII в.,⁵ относился к первой редакции, отражающей первоначальный вид этого произведения.

Во время обучения в Московской славяно-греко-латинской академии Ломоносов, по свидетельству ранних биографов, много времени проводил в библиотеке Заиконоспасского монастыря, изучая «древние летописи».⁶ Пожар 1747 г. уничтожил монастырскую библиотеку. Небольшая часть ее сохранилась в фондах Московской духовной академии,⁷ в том числе рукописный сборник, переписанный в начале XVII в. троицким монахом Исайей Печерским.⁸ На лл. 98—269 об. помещается «Сказание о взятии Казанском». На боковых полях рядом с текстом Ломоносов сделал несколько приписок.⁹ Он обратил внимание на рассказ о легендарном основании Казанского ханства, на повествование о деятельности Александра Ярославича, Георгия Всеволодовича, Ярослава Всеволодовича, подчеркнул сообщение о том, что новгородцы «в тая же горкая батыева времена отвергашася . . . работнаго ига». На полях против этой фразы приписано: «Новгородцы от Батыя не разбиты».¹⁰ Отмечен отрывок «Казанской истории», где автор сообщает о себе некоторые биографические сведения: «случи ми ся пленену быти варвари и сведенну быти в Казань. И даша мя царю казанскому в дарех Сапкирею. И взят мя царь с любовию к себе служить, во двор свои постави мя пред лицом своим стояти. И быв тамо 20 лет. Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево Московского. Царь же мя крести, вере Христове причте и мало земля ми уделом дасть. И нача служить ему верно». На поле против этого текста Ломоносов написал: «Писатель о себе».¹¹ Ниже мы покажем, как важны были эти автобиографические сведения автора «Казанской истории» — очевидца последних 20 лет правления казанских царей и цариц.

В 1739 г. Ломоносов прислал из Фрайберга в Петербургскую Академию наук оду, написанную им при получении известия о победе, одержанной русскими войсками под Ставучанами, у крепости Хотин. В этой оде Ломоносов вспоминает победы Петра I и Ивана IV. Интересующие нас строфы, относящиеся к победителю Казанского ханства, следующие:

⁴ Г. Н. Моисеева. Соловецкий сборник в творчестве М. В. Ломоносова. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». К 90-летию Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1969, стр. 49—58.

⁵ ГПБ, собр. Соловецкое, № 1501/42, 4°, лл. 2—188 об.

⁶ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, Составитель Г. Е. Павлова, М.—Л., 1962, стр. 43—44.

⁷ В 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была преобразована в Московскую духовную академию.

⁸ ГБЛ, собр. Фундаментальное 173 (Библиотека духовной академии), № 196, 4°, лл. 1—277 об.

⁹ Атрибуция почерка М. В. Ломоносова произведена на основании сохранившихся автографов, относящихся к началу 30-х годов XVIII в. — времени обучения его в Славяно-греко-латинской академии: расписки 1734 г. на «допросных» бумагах в Ставлинческом столе (ЦГАДА, ф. Московская синодальная контора, № 245, лл. 14 об.—17); курс риторики П. Крайского на латинском языке, переписанный между 1733 г. и 17 октября 1734 г. (ГБЛ, ф. 183, № 279, лл. 158—283). Результаты изучения почерка Ломоносова на протяжении всей его жизни изложены в главе «Формирование почерка Ломоносова» в подготавливаемой мною книге «Ломоносов и древнерусская литература».

¹⁰ ГБЛ, собр. Фундаментальное 173, № 196, лл. 99—99 об., 100 об., 101, 102, 103.

¹¹ Там же, л. 99 об.

Кто с ним (с Петром I, — Г. М.) толь грозно зрит на юг,
 Одеян страшным громом вокруг?
 Никак Смиритель стран Казанских?
 Каспийски воды, Сей при вас
 Селима гордого потряс,
 Наполнил степь голов поганских.¹²

Составители комментария к VIII тому собрания сочинений Ломоносова правы, когда говорят о том, что под Селимом он понимает «царствовавшего в то время в Турции султана Сулеймана II».¹³ Но из какого источника Ломоносов почерпнул известие о «потрясении» турецкого султана, узнавшего о торжестве московского государя? Ни в Никоновской летописи, ни в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» совсем не говорится о восприятии Сулейманом II известия о военных и дипломатических победах русских. В «Казанской истории» после описания отъезда из Казани последней казанской царицы Сумбеки помещена глава «О бывши вести турскаго царя о Казани и о царице и о послании з дары его к мурзам нагайским». Здесь рассказано о том, что после того как «дойде весть о Казани о царе до самого нечестиваго царя турскаго салтана во Царьград, и воспечалися о том велми турский царь Салтан, яко все свое золото египетцкое погубил, болши всех даней земных его, приносимых к нему, недоведав, кое пособие дати царьству Казанскому, далече от него отстоиму ему».¹⁴ Турецкие послы предложили ногайским мурзам отказаться от союза с Иваном IV и оказать помощь казанцам в их борьбе с Русским государством.

В оде о взятии Хотина 1739 г. мы видим использование Ломоносовым «Казанской истории», давшей ему материал, неизвестный по другим источникам. Ломоносов не без оснований мог считать, что в «Казанской истории» названная глава возникла на основании каких-то действительных фактов, известных автору (который жил при ханском дворе) через посредство царевны Сумбеки — дочери ногайского князя Юсуфа.

После возвращения в Петербург летом 1741 г. Ломоносов серьезно занимается русской историей. В числе литературных памятников древней Руси он снова внимательно изучает «Казанскую историю». В Библиотеке Петербургской Академии наук хранились два списка «Казанской истории», принадлежавшие сестре Петра I царевне Наталье Алексеевне.¹⁵ Этими ли списками пользовался Ломоносов или другими — нельзя сказать определенно, но важно то, что в своем большом историческом труде — «Российской истории» — он широко использовал «Казанскую историю». В 1760 г. вышел из печати подготовленный Ломоносовым «Краткий российский летописец с родословием», представляющий собой краткое изложение его «Российской истории». В этой работе можно видеть, как много материалов было отобрано Ломоносовым из «Казанской истории». Здесь и исторические факты, и оценка некоторых исторических деятелей, и отдельные литературные характеристики, очень метко и образно передающие замысел автора «Казанской истории». Так, например, Ломоносов говорит в «Кратком российском летописце» о том, как «изменник государев, царь казанский Махмет Аминь, раскаявшись пред смрадною смертию, послал

¹² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VIII, М.—Л., 1959, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 876, прим. 17.

¹⁴ Казанская история, стр. 102—103.

¹⁵ БАН, 34.6.64 и БАН, 32.4.1. См.: М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.—Л., 1956, стр. 43.

к нему (Василию III, — Г. М.) многоценные дары и повинную».¹⁶ В «Казанской истории» описанию предсмертного раскаяния казанского царя Махметина посвящена 10-я глава. Автор ее рассказывает, что казанский царь был поражен «язвою неисцелимою от главы и до ногу ... никтоже к нему вхождаше в ложницу посетити его ... смрада ради злаго, исходящая от него».¹⁷ Незадолго до смерти Махметин «воспомяну согрешение свое». В раскаянии он отправил «к Москве ... послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему царьския дары своя».¹⁸

«Казанская история» дала Ломоносову материал для объяснения причин неудачного похода русских войск под Казань 1524 г.: «по Волге со всем тяжелым снарядам и припасами суда и войска российские в узких местах погружены бревнами от Казанской черемисы».¹⁹ В «Казанской истории» об этом походе сказано так: «От нечаемья нашия беды тоя рати в лодиях на Волге черемисы злыя казанския наших побии... И подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держакху на ужищах и на ладьях пуцаху с высоких гор и з брегов сюду же миновати, и погружатися от единого древа ладьям 5 и более с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом».²⁰

Передавая в «Кратком российском летописце» события времени правления Ивана IV, Ломоносов широко черпает не только фактические сведения, но и отношение к фактам автора «Казанской истории». Благожелательная характеристика касимовского хана Шигалея несомненно подсказана «Казанской историей», равно как и упоминание «нечаянной смерти» казанского царя Сафакирея.²¹

Но наиболее ярко раскрывается воздействие «Казанской истории» на отображение исторических фактов и их художественное воплощение при описании Ломоносовым последней казанской царицы — Сумбеки.

Характеристика ногайской княжны Сююн-бике, ставшей женою казанского хана Сафакирея, содержится и в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Но она значительно разнится от образа «прекрасной и вельми премудрой» казанской царицы Сумбеки, созданной автором «Казанской истории». Ломоносов полностью принимает концепцию автора — современника и очевидца событий, происходящих в Казанском ханстве в последнее двадцатилетие его существования. Поэтому показания автора «Казанской истории», касающиеся этого последнего периода, Ломоносову представляются более исторически достоверными, чем свидетельства официального «Летописца начала царства». В «Кратком российском летописце» Ломоносова упоминаются как исторические факты все рассказы о жизни Сумбеки, которые переданы в «Казанской истории». Здесь говорится и о том, что «в Казани царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кошакху, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кошакх из Казани побежал, но пойман и приведен в Москву, где и казнен».²² В «Летописце начала царства» об улане Кошакхе говорится только в связи с сообщением о возникновении в Казани «междоусобной брани» казанцев и крымцев.²³ Но это никак не соотносено с биографией царицы Сумбеки.

¹⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, М.—Л., 1952, стр. 321.

¹⁷ Казанская история, стр. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 321—322.

²⁰ Казанская история, стр. 67.

²¹ Там же, стр. 82.

²² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 324.

²³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 467—468.

В «Казанской истории» описанию отношений Сумбеки с уланом Кошаком посвящена отдельная глава — «О любви блудной со царицею улана Кошака, и о избежание его из Казани, и о ятие его, и о смерти». И именно сообщаемые в этой главе факты и дали Ломоносову материал, нашедший отражение в «Кратком российском летописце».

В 1763 г. И. И. Бецким было поручено Ломоносову, чтобы он «выбрал из российской истории знатные приключения для написания картины». В январе 1764 г. в письме к вице-канцлеру А. М. Голицыну Ломоносов дал описание сюжетов для картин на темы отечественной истории. Под 13-м номером Ломоносов поместил отображение встречи казанской царицы Сумбеки, привезенной в Москву, с царем Иваном IV: «Царица Сумбек, по смерти царя казанского Сафакирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу . . . Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицом и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает».²⁴

Описанию необыкновенной красоты царицы Сумбеки посвящены наиболее проникновенные страницы «Казанской истории». В главе «О изведении царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея» автор образно показывает сцену прощания Сумбеки с гробом покойного казанского царя Сафакирея. Два часа «причиташе царица и кричаше, лежаще у царева гроба на земли». «Повелением» московского воеводы «подняша ю от земли мертву исполу, видеша ту вси людие открыто лицо ея, кроваво все от многого драния, опухше от слез ея . . . Бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих в руских на Москве, во дщерях и в женах в боярских и во княжнах».²⁵

Замечательный памятник XVI в., «Казанская история», в новую эпоху XVIII в. нашел широкое историко-литературное претворение в творчестве Ломоносова.

²⁴ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 370.

²⁵ Казанская история, стр. 99—100.